

Нарком просвещения Луначарский основал соцреализм и организовал травлю Булгакова. Поводом стали "Дни Турбиных" и "Зойкина квартира", но причиной была "Белая гвардия" – злая пародия на творчество наркома.

Альфред Барков

РОМАН МИХАИЛА БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА": "ВЕЧНО-ВЕРНАЯ" ЛЮБОВЬ ИЛИ ЛИТЕРАТУРНАЯ МИСТИФИКАЦИЯ?

Глава XI. Крестный отец соцреализма

Современные комментаторы как-то снисходительно журят Луначарского за то, что тот рассматривал вопросы эстетики по-Авенариусу и Маху, с биологической точки зрения; хотя, скорее, такой способ мышления следовало бы назвать зоологическим: "Правильное мышление – это прежде всего легкое мышление, то есть мышление, следующее принципу наименьшей траты сил, – принципу эстетическому"¹. Эта сентенция, заложенная Луначарским еще в молодом возрасте в качестве постулата своей аксиологической философии, содержится в опубликованной в 1904 году его работе "Основы позитивной эстетики", где рассматриваются во взаимосвязи все три составляющих аксиологии: эстетика, этика и гносеология. В 1923 году, уже будучи наркомом просвещения СССР и считая свою работу не утратившей актуальности, Луначарский переиздал ее без изменений. Один экземпляр книги он подарил Ленину с надписью: "Дорогому Владимиру Ильичу работа, которую он, кажется, когда-то одобрил, с глубокой любовью. А. Луначарский 10/III-1923". В последующем эта работа еще переиздавалась при жизни автора без каких-либо изменений.

Однако ни в одном из комментариев, даже самого последнего времени, нет и упоминания о том, что в "Основах позитивной эстетики" фактически заложена идеологическая база тоталитарного общества советского типа. В своей прекрасной во всех отношениях монографии, полностью посвященной вопросам аксиологии², ее автор Л.Н. Столович, рассматривая историю становления этой науки с античных времен, дает описание работ более чем ста авторов древности и современности, в том числе Луначарского и Бахтина. Положительно рассматривая аксиологическую направленность "Основ позитивной эстетики", он отмечает, что "... сам факт включения Луначарским своих аксиологических работ, написанных не в духе ортодоксального марксизма, во все более политизирующуюся и идеологизирующуюся жизнь послереволюционной России имеет, на наш взгляд, важное и еще недооцененное методологическое значение". Далее автор высказывает мнение, что, "перепечатывая свои труды двадцатилетней давности и рассматривая их как теоретически актуальные в то время, когда в 1920 году был переиздан "Материализм и эмпириокритицизм", Луначарский утверждал не только свое право на самостоятельное мышление, но возможность методологического плюрализма для рассмотрения и решения нетрадиционных для исторического материализма аксиологических проблем". Поскольку Л.Н.Столович ввиду ограниченного объема своей книги не обозначил допустимые в исследованиях

такого рода границы плюрализма, данная глава посвящается рассмотрению этого вопроса.

Ввиду совпадения аксиологической тематики рассматриваемой работы Луначарского и работ Бахтина, представляется целесообразным дать в общем виде сравнение применяемой ими методологии. Совпадающими моментами у обоих авторов являются два постулата, причем оба они носят фундаментальный философский характер: определение эстетики не как "науки о прекрасном", а как чисто оценочной дисциплины; выделение из трех составляющих аксиологии эстетики в качестве занимающей главенствующее положение по отношению к этике и гносеологии.

Хотя в работах Бахтина оба эти постулата отдельным абзацем не сформулированы, сама методология всех его построений отталкивается именно от них. В частности, он рассматривает поступок и познавательное содержание образа как лишенное самостоятельного оценочного значения наполнение той внешней формы, которая, собственно, и является основой эстетической оценки. Иными словами, по Бахтину, эстетический анализ есть процесс оценки этической и познавательной составляющих.

Луначарский же оба эти момента формулирует абзацем: вторая глава его работы, озаглавленная "Что такое эстетика?" начинается так: "Эстетика есть наука об оценках. (Определение это необычно. Обыкновенно определяют эстетику как науку о прекрасном, но не напрасно говорят о вечной красоте истины и о нравственно-прекрасном. Право эстетики считаться основной наукой об оценках вообще и будет доказано в этой главе). Оценивает человек с трех точек зрения: с точки зрения истины, красоты и добра. Поскольку все эти оценки совпадают, постольку можно говорить о единой и целостной эстетике, но они не всегда совпадают, а поэтому единая в принципе эстетика выделяет из себя теорию познания и этику... Эстетика есть наука об оценке; теория познания и этика суть лишь ее разветвления, имеющие, конечно, свои характерные особенности" (с. 51).

В качестве характеристики второго постулата приведу его комментарий, сделанный публикаторами этого тома: "Утверждая универсальность законов эстетики для смежных областей знания, в том числе – этики и гносеологии, понимая последнюю лишь как часть эстетики и, следовательно, подчиняя теорию познания эстетике, Луначарский здесь следует за Авенариусом, так как все сводит к выдуманному им закону "экономии мышления", который, как писал В.И. Ленин, "если его действительно положить "в основу теории познания", не может вести ни к чему иному, кроме субъективного идеализма".

Трудно согласиться с направленностью этого комментария: хотя, с точки зрения современных понятий, под "эстетикой" Луначарский понимал то, что сейчас носит название "аксиология", и этим самым вычленил эстетику из единого семантического ряда "истины, добра, красоты", он все же стоял гораздо ближе к современному пониманию взаимосвязи между элементами аксиологической триады, чем комментаторы его работ. И в этом следует отдать ему должное. Но все дело как раз в другом.

Действительно, эстетику Луначарский рассматривает с чисто физиологических позиций: по его мнению, это – "одна из важнейших отраслей биологии как науки о жизни вообще" (с. 43). Он полагает, что потребность в эстетической оценке появляется у человека в результате избыточного количества энергии в организме. Это – самый, пожалуй, главный постулат в его работе, который и определил направленность ее выводов.

(*) Примечание 1999 г.: с тезисом о "потребности в эстетической оценке [...] у человека в результате избыточного количества энергии в организме" я был не согласен еще при подготовке этой книги. Однако при дальнейшей доработке теоретических моментов возник вопрос выбора фундаментальной концепции для постулата теории литературы, в качестве которого принята структура образа по-Бахтину. При этом оказалось, что вопрос носит принципиальный характер: процесс эстетической оценки (то есть, возникновения в сознании образа) — не результат возникающей у человека потребности, тем более из-за "избыточности энергии", а необходимое условие выживания всей фауны, не только человека. То есть, процесс оценки действительно является продуктом физиологической деятельности, но не в той форме, как это трактовал Луначарский (См. мою статью "К вопросу о методике структурного анализа романа "Мастер и Маргарита", а также теоретический раздел "Прогулок с Евгением Онегиным").

В принципе, неверно сформулированный постулат – не такая уж беда: при использовании строго научных методов доказательства (без привнесения в процесс доказательства оценочных, то есть, относительных элементов) в конечном итоге получится нечто такое несуразное, что сразу встанет вопрос о необходимости замены такого постулата. Необходимость объективности Луначарский декларирует, хотя и несколько необычным образом: "Только известная объективность дает нам возможность строго эстетически оценивать явления, субъективная же заинтересованность, личное отношение к оцениваемому объекту вызывает в нас массу движений и чувствований, колеблющих, затемняющих чистоту нашего восприятия" (с. 78). Не говоря уже о том, что само понятие объективности в работе с оценочными (относительными) категориями нуждается по крайней мере в уточнении, и что такая установка в корне расходится с определением Бахтина, который рассматривает эстетическое восприятие как диалогический процесс с вовлечением субъективных оценочных контекстов созерцателя (который именно благодаря этому выступает в качестве соавтора произведения), следует отметить, что, вопреки этой декларации об объективности, Луначарский в своей аргументации постоянно подменяет логику, диалектику и научно доказанные факты чисто оценочными, субъективными понятиями. Как, например, в этом пассаже:

"Какой же серой, дряблой, неподвижной должна быть жизнь, чтобы человеку приятно было проливать слезы перед зрелищем горя будничных людей, чтобы его интересовали даже перипетии чеховских трех сестер и им подобных. Когда кумушки соберутся на чашку чая, они беседуют между собой о всевозможной ерунде, касающейся соседей; чего, кажется, скучнее, ведь все то же, что и у них, – и тем не менее они охают, и наклоняются друг к другу, и шепчутся, и злорадствуют. Жалкие события разрастаются в нечто значительное и в их непроходимо бессодержательной повседневной жизни. Только общим понижением жизни можно объяснить, что рядом с красивым, величественным, и трагическим появилась эстетика жалкого, дряхлого, ноющего, никому не нужного... Очевидно, способность жить повышенной жизнью постепенно утрачивается, вываривается в супотлоке обыденщины, а изображение пошлого кажется высоко интересным, если художник ... напомнил особенно много пошлых образов, утерявших свою пошлость в глазах обывателя, ставших ему родными, расшевелил особенно много тех маленьких

чувств, к которым приучена, которыми живет обывательская душа" (с. 79-80). И все это – о Чехове! Завершается эта сентенция примечанием к изданию 1923 года: "Все это относится к дореволюционному искусству. Революция сделала подобные произведения искусства еще более невыносимыми".

Здесь следует отметить немаловажную деталь: в числе ценностных категорий, которыми Луначарский оперирует в своих построениях, уже появляется и чисто идеологический контекст (понятие о мещанстве в его явно тенденциозной, политизированной трактовке). О Чехове уже говорить не приходится — датированная 1923 годом ремарка наркома просвещения говорит сама за себя.

Или вот такая максима: "Мы видим, что все некрасивое и ничтожное может быть эстетичным, но для этого нужно до известной степени игнорировать безобразие и убожество рассматриваемого предмета, воспринимать его не слишком живо и конкретно, больше умом, чем чувством..." (с. 84).

Конечно, на фоне философских концепций и безупречной диалектической методологии Бахтина такие рассуждения не стоили бы ни бумаги, ни чернил, если бы не два чрезвычайно важных для данного случая обстоятельства. Первое из них заключается в том, что эти потуги, изданные в 1904 и переизданные после 1923 года, легли в основу не только т. н. "метода социалистического реализма", от дурманящего воздействия которого наше общество избавится, видимо, еще не скоро, но и психологии той новой, возвращенной властью победивших люмпенов формации литераторов и литературоведов, которых Булгаков окрестил словечком "Массолит". Что же касается второго обстоятельства, то на нем придется остановиться более подробно.

"Борьба между людьми есть могущественный фактор прогресса... О мирной созидательной работе всечеловечества в настоящее время не может быть речи, самый страстный поклонник счастья "дальнего", провидец и паладин отдаленного будущего, а также самый прогрессивный и сознательный класс общества, должны вступить в борьбу с косностью, ленью, себялюбием других людей и классов, с жадностью, тупостью привилегированных, невежеством и рабским духом униженных; в этой борьбе они должны быть тверды и даже жестоки, они должны напрягать все свои силы, чтобы вести человечество своей дорогой во что бы то ни стало, потому что они не могут не считать своей дорогой ту, которая с их точки зрения является наиболее близким путем к идеалу. Не в любви ко всякому ближнему, а в стойкой и неуклонной борьбе за интересы вида находит самое яркое проявление гений вида, дух истинного альтруизма" (с. 61).

"Во что бы то ни стало"... Нечаевщина...

Вот так в число ценностных аргументов, включенных в арсенал приемов научного построения, почти уже совершенно естественно привносится и чисто политический. "Провидец и паладин отдаленного будущего, самый прогрессивный и сознательный класс общества"... Оценки, оценки, оценки... Ничем не обоснованные, кроме идеологии, построенной на внутренней интуиции... Строгость логики и диалектики подменяются напыщенным пафосом и классовой демагогией, которые пока служат главным аргументом, но на смену которым в свое время придут "товарищ маузер" и красный террор...

А кто, собственно, сказал, что такие ценностные понятия как "нечаевщина", "борьба", "жестокость", "прогрессивный, сознательный класс общества" нельзя привлекать для доказательства? Если можно использовать в качестве аргументов такие легитимные этические понятия, как "идеал", "счастье", "добро", которыми постоянно оперируют интерпретаторы содержания булгаковского романа, то почему эти нельзя? Вот Луначарский их и использовал. В результате такого анализа на выходе получаются уже совершенно новые этические понятия, которым название дали позже, но которые, тем не менее, в работе Луначарского 1904 года уже присутствуют: "большевизм", "сталинщина"; "Массолит", наконец.

Получился образец новой концепции мессианства – не христианского ("не в любви ко всякому ближнему", пишет Луначарский), а "видового, классового"; вот они, корни теории (сформулированной с позиций эстетики!), оправдывающие практику сталинщины.

Луначарский продолжает свою мысль следующим образом: "Борьба за идеал, борьба идеалов — вот та необходимая внутренняя борьба, путем которой человечество все яснее сознает свою задачу. Наоборот, мы можем представить себе, да и видим на каждом шагу людей, у которых альтруистические инстинкты, по-видимому, вполне развиты: они говорят о терпимости, они никого не обижают, они никогда ни к чему не обязывают, напротив, всякого готовы утешить, со всяким поговорить о том, что надо довольствоваться малым, и прибавят, пожалуй, — любить друг друга, но, в конечном счете, это самые хилые эгоисты, ищущие спокойствия, ведущего к постепенному отмиранию потребностей, а следовательно, — и сил человеческого рода" (с. 55) (прошу сравнить это место с более поздними высказываниями Горького о "старичках" и "гуманизме" — их генетическая связь просматривается явственно) ("Альтернативное прочтение", с. 95 и дальше).

В этот пассаж следует вчитаться повнимательнее. В нем впервые — с особой четкостью, с откровенным презрением к диалектике и христианской морали и с явным левацким уклоном — изложены основные моменты идеологии большевизма. Причем в работе с вполне невинным названием — "Основы позитивной эстетики". В работе, переизданной в 1923 году уже наркомом просвещения страны победившего "гения вида" и заложенной в основу концепции т. н. "метода социалистического реализма".

В советскую эпоху стало общепринятым повторять официально утвердившуюся точку зрения о том, что с победой Октябрьской революции Луначарский отказался от своих ошибочных взглядов и полностью перешел на позиции Ленина. Это — искажение исторической правды. Ни от чего Луначарский не отказывался, и ни на какую точку зрения Ленина не становился. Фактически все произошло с точностью до наоборот: Ленин, вплоть до 17-го года воевавший с "левизной" и такими ее апологетами, как Луначарский, резко взял влево, причем настолько круто, что от него отшатнулись даже самые верные соратники³. Одним из примеров "левизны" Ленина в области культуры может служить борьба между ним и Луначарским вокруг судьбы Большого театра: Ленин настаивал на закрытии "помещичьего" театра и ходатайствовал перед руководством партии о вынесении Луначарскому взыскания на том основании, что тот саботирует его указания. Тому самому Луначарскому, который переизданием в 1923 году своих "Основ позитивной эстетики" подтвердил свою позицию в отношении творчества Чехова. Кстати, в этом издании приведенный

выше пассаж об "альтруистах" и "хилых эгоистах" Луначарский сопроводил таким интересным примечанием: "В силу этих мыслей, которые автор выразил 20 лет тому назад, он и оказался большевиком теперь".

Но Луначарский на этом не останавливается, а развивает дальше свою эстетико-идеологическую теорию: "Тот или другой тиран, навязывая народу свою волю, сооружая города, знакомя человеческие расы друг с другом, воспитывая государственный смысл и умственную широту своих подданных, может искренне думать, что следует своему эгоизму: он хочет, чтобы его народ был силен, в памятниках культуры оставить память по себе и т.д.; но если индивидуалистическая форма его стремлений и обманывает его самого и его современников, подобно ему неспособных понять смысла человеческой деятельности,.. то в действительности, по существу его работы, в нем говорит гений вида: он строит для веков, он заботится о мнении грядущего поколения, он чувствует, что творит историю. Напротив, человек, переставший видеть смысл в истории, как бы добр он ни был, есть только эгоист, после смерти которого не останется ничего, который не повысил ни на йоту тип человека, а только существовал" (с. 55).

Выходит, что Тамерлан и Гитлер, "знакомя между собой народы", "строили для веков"... Вот она, созданная еще на заре века, когда имя будущего Отца всех народов еще никому не было известным, идеологическая база сталинщины! Причем речь идет не только о "знакомстве человеческих рас друг с другом", в чем так преуспел Сталин, этот "гений вида"; здесь уже заложена концепция "повышения типа человека", которая впоследствии обрела вид сталинского определения писателей как "инженеров человеческих душ"; то есть, еще задолго до революции Луначарским в основном уже была сформулирована идеологическая задача будущего Массолита.

А вот момент в эстетической теории Луначарского, где им формулируется концепция "человека-винтика", авторство которой почему-то приписывается Сталину: "Наша мысль ясна: — индивидуальная и видовая оценка тождественны по существу, но индивидуальная оценка неправильна, поспешна, она видит меньше в будущем и прошлом, и если человек поднялся до того, что не позволяет себе жить для мгновения, а живет планомерно для всей жизни своей, то он поднимется и до того, чтобы свою личную жизнь считать моментом по отношению к жизни вида... И от того, что человек будет относиться к сверхличному идеалу, как к чему-то высшему, чем его индивидуальная жизнь, эта жизнь не станет беднее, ... она поднимется до такой красоты, до какой немислимо подняться индивидуалисту" (с. 56-57). Действительно, если верить Сталину, то "жить стало лучше, жить стало веселей".

И далее, там же: "Теперь понятно, почему могут не совпадать идеалы красоты и справедливости *(в начале статьи Луначарский, признав равенство между эстетикой, этикой и гносеологией в принципе, оговорился, что, пока не будет достигнута всеобщая справедливость, этика и гносеология будут находиться в починенном положении по отношению к эстетике — А.Б.)*. Жизнь красивая, то есть полная, могучая, может быть куплена ценою гибели других жизней *(как можно видеть, уже в 1904 году Луначарский готов был платить за свою эстетику не только "слезинкой ребенка", но и жизнями людей — А.Б.)*. Узкоэстетическая точка зрения, требующая красоты немедленно, в настоящем, может запереть двери к идеалу *(здесь он явно противоречит сам себе, отойдя от определения эстетики*

*как процесса оценки – А.Б.). Часто надо жертвовать меньшею красотой в настоящем для большей красоты в будущем. Но если мы станем на точку зрения узкоморальную, то можем прийти до того, что признаем преступлением всю культуру и из боязни разрушить чье-либо жалкое мещанское счастье остановим наше шествие вперед. Только высшая точка зрения, точка зрения требований полноты жизни, наибольшего могущества и красоты всего рода человеческого, жажды того будущего, в котором справедливость станет само собою разумеющимся базисом красоты, дает нам руководящую нить: все, что ведет к росту сил в человечестве, к повышению жизни, есть красота и добро неразрывные, единые; все, что ослабляет человечество, есть зло и безобразие. Может показаться, что в том и другом случае прогресс культуры несправедлив по отношению к тем или иным жертвам: противоречие кажущееся, если этим прогрессом покупается высшее счастье вида (*юбер аллес! — через двадцать с небольшим лет аналогичные идеи станут костяком "Майн кампф" и начнут воплощаться в жизнь практически одновременно с "37-м" в СССР – через очистку расы от "нидерменш" – А.Б.)... В каждом отдельном случае приходится оценивать явления с точки зрения прогресса мощи человечества... Это свет, при лучах которого будет делаться меньше ошибок, чем во имя абсолютной морали, не принимающей в расчет жизни человечества, а только права ныне живущих индивидуумов, или во имя абсолютной красоты...*".*

"Только известная объективность..."

Возвращаясь к оценкам Л.Н. Столовича, следует отметить, что в отношении его тезиса о "методологическом плюрализме" относительно работы Луначарского можно согласиться лишь с оговорками: методология Луначарского, привлекающая содержащие ценностные параметры аргументы для доказательства ценностных же постулатов, недопустима. Ни исторический материализм, ни философские концепции Авенариуса и Маха, на которые ориентировался Луначарский, вовсе не отменяли необходимости оперировать при построении философских теорий методами логики, диалектического анализа и установленными фактами, в качестве которых, действительно, могут привлекаться и теории — но только такие, которые путем строгого доказательства выведены на уровень научно установленного факта. В отличие от Авенариуса и Маха, Луначарский, осуществлявший свои построения на позаимствованных у них биологических постулатах, отказавшись от диалектической методологии, идеологизировал сам процесс доказательства, то есть, профанировал научную методологию. И получил в результате идеологию, на фоне которой Ленин, Сталин и Гитлер как теоретики выглядят эпигонами. Во всяком случае, каждый из них не только повторил идеи Луначарского, но и претворил их в жизнь — со всеми теми трагическими последствиями, которые такую форму методологического плюрализма оправдать никак не могут.

Что же касается Бахтина, то в своих построениях он пользовался только допустимыми в науке методами; все его работы насквозь диалектичны, методологически безупречны, что, собственно, и сделало их выдающимся вкладом в науку. Следует отметить, что свою первую работу — "Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве" он написал еще в 1924 году, то есть, через год после переиздания Луначарским "Основ позитивной эстетики"; впервые она была опубликована, да и то частично, только в 1973 году. Сравнение содержания этих двух работ наглядно демонстрирует, куда уводит

исследователя пренебрежение основными требованиями к методологии научного исследования.

О роли Луначарского в создании идеологического фундамента советского литературного истеблишмента, а также о его идеологизированной трактовке понятия о мастерстве в творчестве шла речь в "Альтернативном прочтении" (глава "Мастер – имя нарицательное"), повторяться нет смысла.

Именно трактовка мастерства в версии Луначарского, которая полностью соответствует его изначальной установке на подчинение личности идеологии, исключает возможность применения в отношении центрального персонажа булгаковского романа понятий о "мастере из древности", о "магистре, причастном высшей власти и тайне", поскольку нет никаких оснований рассматривать это понятие вне контекста конкретной обстановки, в которой жил, творил и страдал Булгаков. Обстановка, в которой Система, спрямляя по разработанным ею трафаретам и без того примитивные извилины серого вещества климов чугунокных, в качестве одного из таких трафаретов взяла на свое вооружение плодотворную концепцию расстрелянного ею же Гумилева и, извратив ее до абсурда (а ей всегда удавалось блестяще делать это с этическими концепциями, тем более что на услужении у нее находились такие яркие личности, как Луначарский), успешно ее эксплуатировала в целенаправленной кампании по выведению из чугунокных взамен истребленной истинной интеллигенции особой породы мастеров, которые должны закреплять у нашего народа элементы рабской психологии и превращать его по методу профессора Стравинского в покорное народонаселение, состоящее из бездомных и беспамятных иванушек поныревых.

По фабуле романа, критик Латунский громил в прессе Мастера как "богомаза"; по единодушному мнению булгаковедов, под этим персонажем Булгаков подразумевал некоего Литовского, критиковавшего его в печати, — довольно мелкую рапповскую фигуру, которая в общем-то не вписывается в систему прототипов образов данного романа. А ведь Литовский был далеко не единственным критиком, доставлявшим Булгакову неприятности. Была фигура более масштабная и, главное, более влиятельная. Нанесшая Булгакову куда больше вреда, чем все остальные зоилы вместе взятые. Но как-то так вышло, что все биографы Булгакова и интерпретаторы его романа о зловещей роли этой личности в судьбе писателя (да и всей нашей культуры в целом) предпочитают не упоминать. Придется восполнить этот пробел. Цитирую выдержки из стенограммы доклада Луначарского "Итоги театрального строительства и задачи партии в области театральной политики", сделанного на совещании в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в мае 1927 года:

"... "Дни Турбиных" и "Зойкина квартира". Как вы знаете, самую левую фигуру здесь представляет В.И.Блюм. Он пропустил "Дни Турбиных", подписал разрешение и проникся таким доверием к своей идеологической выдержанности и авторскому таланту, что переделывал или исправлял пьесу с Булгаковым. Тов. Орлинский говорил же, что именно репертком привел "Дни Турбиных" в более или менее приемлемый вид (Орлинский: под нашим влиянием). Вот-вот, вы думали, что путем таких последовательных влияний превратите "Турбиных" в приемлемую пьесу. Вы и разрешили. А когда театр затратил на этом уже много тысяч денег, актеры выгались в роли — тогда вы затеяли снимать пьесу, зашедшую так далеко благодаря вашему, то есть "левых" товарищей, попустительству!.. Теперь о

"Зойкиной квартире". Я прошу зафиксировать, что что я четыре раза (притом один раз на расширенном заседании Коллегии) говорил о том, чтобы не пропускать "Зойкину квартиру"... Я подчеркиваю еще раз, что я четыре раза предостерегал, говоря: не сядьте в лужу, как сели с "Днями Турбиных"... А о "Днях Турбиных" я написал письмо Художественному театру, где сказал, что считаю пьесу пошлой, и советовал ее не ставить... Теперь о классовой борьбе в театрах... Третий вид классового давления идет через писателей; у нас, пожалуй, нет другого столь ярко выраженного писателя, контрреволюционного, как Булгаков. Но он показывает пример. При этом он делает свои пьесы чрезвычайно ловко" (т. 7, с. 511-512). В булгаковедении укоренилась практика, в соответствии с которой обсуждение всех невзгод Михаила Афанасьевича сопровождается списком его критиков, фамилии которых выглядят не совсем по-русски. Блюм и Орлинский — в их числе. Вот вам, уважаемые булгаковеды, стенограмма, комментировать содержание которой вы почему-то избегаете. Из ее содержания следует, что во всех бедах Булгакова виноваты вовсе не Блюм и Орлинский, а земляк Михаила Афанасьевича, из дворян, который, кажется, учился в той же гимназии, что и Булгаков. И, если у кого-то возникнут вопросы относительно причин такой нелюбви могущественного наркома к своему земляку, то стоит сравнить дату этого выступления в Агитпропе ЦК ВКП(б) с датой выхода в свет в журнальном варианте "Белой гвардии". Да — пьяница; да — бабник; но ни в коем случае не дурак. Уж он-то читал первый роман Булгакова, и уже с первой его страницы, где впервые вводится Город с прописной буквы, четко опознал едкую пародию на свое слащавое творчество. Но, как писал Пушкин, какой объект эпиграммы признает, что узрел в ней свои рога? Нет, он, скорее, станет ими бодаться — что Луначарский и делал в отношении своего обидчика с особым рвением.

Прим. 2001 г.: в прошлом году увидела свет работа П.Б. Маслака [Образ рассказчика как основное композиционное средство романа "Белая гвардия"](#), в которой отражены эти пародийные моменты.

Передо мной томик Луначарского, подписанный к печати 17 мая 1985 года (!). Издан он "Советской Россией" и называется "Религия и просвещение". В сборник включено около двух десятков антирелигиозных работ. Например, приветственная речь и доклад на Втором съезде Союза воинствующих безбожников СССР (июнь 1929 года, как раз когда Булгаков находился в самом начале пути создания "Мастера и Маргариты" и занимался "Кабалой святош"), "Почему нельзя верить в бога", "Боги хороши после смерти", и т.п.

...Интересно, занимался ли вообще критик Литовский антирелигиозной пропагандой? Что-то не припомню, чтобы в булгаковедении об этом шла речь...

* * *

Мне вовсе не жаль времени и места, которые пришлось выделить на эту главу. Уходящий своими корнями в далекий 1904 год вопрос о философском и идеологическом наследии Луначарского имеет отношение не только к Булгакову и его роману, но, может быть, даже в большей степени — к его комментаторам. Это — вопрос генезиса той бюрократической психологии, которая всем нам была привита Системой, и которая так характерна для "официального" литературоведения; психологии, вследствие которой мы до сих пор не можем разобраться не то что в

общих вопросах эстетики, но хотя бы в содержании романа Булгакова; наконец, психологии, благодаря специфике которой ее носители оказались в положении тех падких на блестящее посетительниц коровьевского Варьете, которые в конечном счете оказались выставленными напоказ ... ну, скажем, не при параде.

"Бесовская" нечаевщина в идеологии Луначарского, 1904 год... Он пронес ее с собой через всю свою сознательную жизнь. В 1929 году в октябрьской книжке "Нового мира" была опубликована его статья-отклик на ставшую знаменитой книгу Бахтина "Проблемы творчества Достоевского", развивающую принципы аксиологического анализа. Заявив, что "не понял", в чем заключается "художественное единство" полифонического романа и не оспаривая существа самого принципа, Луначарский тем не менее посвятил свою объемную работу объяснению полифонизма не как явления, характерного для творческой манеры Достоевского, а сугубо психологическими причинами, которые, по его мнению, произрастают от раздвоенности сознания Достоевского вследствие борьбы двух противоборствующих начал: "омерзение и негодование против действительности, с другой — страстная надежда на примирение всех противоречий, хотя бы в мире потустороннем, хотя бы в порядке мистическом"; "Вот из такого понятия о Достоевском... нужно исходить для того, чтобы понять действительную глубину отмеченного М.М. Бахтиным полифонизма в его романах и повестях"; "И то высшее художественное единство, которое М.М. Бахтин чувствует в произведениях Достоевского, но не определяет и считает даже почти неопределимым, есть именно эта подтасовка, деликатная, тонкая, боящаяся себя самой, а временами вдруг грубая, жандармская подтасовка процесса, идущего в каждом романе, в каждой повести"; "А та неслыханная свобода "голосов" в полифонии Достоевского, которая поражает читателя, является как раз результатом того, что, в сущности, власть Достоевского над вызванными им духами ограничена".

Как можно видеть, в этой работе Луначарский пытается однозначно и не без определенной доли иронии объяснить художественный феномен сугубо идеологическими причинами; он явно тенденциозен по отношению к автору "Бесов"; не защищая открыто нечаевщину, весь пафос своей статьи он направил на отрицание значения творчества Достоевского в целом. Только в 1963 году, когда уже состоялось "возвращение" Достоевского из "замалчивания", инициатором которого фактически явился Луначарский, Бахтин получил возможность ответить ему во втором издании своей книги — только через тридцать лет после его смерти. Хотя дело Луначарского живет по сей день. Иначе чем можно объяснить, что тема его истинной роли в формировании советской идеологии — идеологии Массолита с его "методом социалистического реализма", совковой идеологии, наконец, — до сих пор обходится стороной? Даже в последней книге Л.Н. Столовича с предисловием Ю.М. Лотмана острые углы как-то сглаживаются, не замечаются даже. Чем же объяснить этот удивительный феномен? Почему уже в наше время мы все как-то стремимся свалить вину за наши беды на каких-то там интеллигентов-кадетов⁴, вместо того чтобы разобраться в сути происшедшего? Ну хорошо, "наши" интеллигентов в гражданскую постреляли, на кого патронов не хватило — посадили на пароходы и сплавили подальше; для кого места в трюме не оказалось, для того нашлось на "Беломорканале"... Откуда же тогда 37-й? Снова эти кадеты? И откуда такая странная абберрация памяти? Не оттуда ли, что наша собственная психология является продуктом воплощенных в жизнь идей Швондера-Луначарского, и мы боимся признаться сами себе в ее генезисе? Может именно поэтому булгаковедение

так упирает на личность третьеразрядного щелкопера Литовского, чтобы уйти подальше от неприятных мыслей о своем духовном "папаше", если пользоваться лексикой Полиграфа Полиграфовича Шарикова?

Так кого же показал в своем романе Булгаков в личине критика **Латунского**? Неужели Литовского? А, может, все-таки **Луначарского**?

А в личине Семплеярова, увлекающегося молодыми актрисами? Посвященные интимным связям Луначарского на ниве искусства эпиграммы до сих пор живут в качестве фольклора. Приводить их не буду, поскольку там не только присутствуют, но и рифмуются весьма известные фамилии.

1. Луначарский, А.В. Основы позитивной эстетики. Собр. соч. в восьми томах, т. 7, с. 58. Далее все относящиеся к работам Луначарского примечания приводятся по этому изданию, с указанием в тексте номеров страниц. [Возврат](#)

2. Столович, Л.Н. Красота, добро, истина. Очерк истории эстетической аксиологии. Москва, "Республика", 1994, с. 431-432. [Возврат](#)

3. Об этом пишет в своих воспоминаниях бывший революционер Г.А. Соломон (Исецкий): Среди красных вождей. М., "Современник", "Росинформ", 1993, с. 458-460, 489-491. В этой книге Исецкий дает, в частности, убийственные характеристики Ленину, Луначарскому и М.Ф. Андреевой (в отношении последней как прототипа образа Маргариты см. "Альтернативное прочтение"). [Возврат](#)

4. Например, В.И. Немцев в своей одобренной Литературным институтом им. А.М. Горького книге "Михаил Булгаков: становление романиста" (Издательство Саратовского университета, Самарский филиал, 1991, с. 130) писал: "Ведь именно "интеллигентская" партия, партия кадетов, ввергла Россию в 1917 году в беды и испытания". [Возврат](#)